УДК61(091)

КОРМИЛИЦЫ В ДРЕВНЕЙ МЕСОПОТАМИИ

© *Ольга Александровна Джарман, Галина Львовна Микиртичан*

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный педиатрический медицинский университет» Минздрава России. 194100, г. Санкт-Петербург, ул. Литовская, 2

Контактная информация: Ольга Александровна Джарман — к. м. н., старший преподаватель, кафедра гуманитарных дисциплин и биоэтики. E-mail: olwen2005@gmail.com

РЕЗЮМЕ: В статье на основании дошедших до нас источников и памятников культуры (юридические документы — договоры с кормилицами, печати и др.) Древней Месопотамии рассмотрен статус кормилицы — особой социальной группы древнемесопотамского общества, связанной с сохранением здоровья ребенка. Формирование этой профессии в первую очередь было обусловлено религиозными и культурными традициями общества, направленными на многодетность в семье и существовавшим мнением, что кормление грудью препятствует фертильности женщины. Некоторые аспекты этой профессии оговаривались в одном из древних законодательных памятников — «Законах Хаммурапи» (сер. XVIII в. до н. э.). Ребенок, не занимая центрального места в пространстве древнемесопотамского общества, тем не менее, как символ, образ и феномен пронизывал все слои культуры. Практика грудного вскармливания в странах Древнего Ближнего Востока продолжалась до достижения ребенком возраста 3 лет. Ценность ребенка и необходимость его кормления грудным молоком была глубоко укоренена как в традиции Месопотамии, так и в мифе — богиня часто кормит и вскармливает своим молоком царя и других младенцев. Представлены сведения об обязанностях кормилицы, требованиях к качеству ее молока, условиях оплаты ее труда и др. Несмотря на невысокий в большинстве случаев социальный статус, кормилицы обладали юридическими правами, при добросовестном исполнении своих обязанностей пользовались уважением и могли оставаться при своих воспитанниках в качестве няньки или «матери». Особое место занимали кормилицы, принятые в царские и знатные семьи, для которых статус кормилицы в царском или богатом доме становился определенным социальным лифтом, изменяющим их судьбу.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Древняя Месопотамия; ребенок; грудное вскармливание; статус кормилицы.

WET NURSES IN ANCIENT MESOPOTAMIA

© *Olga A. Jarman, Galina L. Mikirtichan*

Saint-Petersburg State Pediatric Medical University. Litovskaya str., 2. Saint-Petersburg, Russia, 194100

Contact Information: Olga A. Jarman PhD, Senior Lecturer, Department of Humanities and Bioethics. E-mail: olwen2005@gmail.com

ABSTRACT: The article discusses, on the base of extant evidence (legal documents, wet nurses contracts, seals etc.) the status of a wet nurse, which was a special social group in Ancient Mesopotamia and had to do with wellbeing of the child. This profession was shaped most and foremost by

religious and cultural traditions of the society, among which co-existed the opinion of to have many children as a positive thing and another opinion of breastfeeding as contraception and stumble block for female fertility. Some aspects of this profession were discussed in one of the ancient Codes od Law — The Code of Hammurabi (mid. 18th c. BC). Although the child didn't hold the central position in ancient society of Mesopotamia, nevertheless he or she was the phenomenon which affected every strata of society: as symbol, image and event. Breastfeeding practice in the Ancient Near East lasted until the child became about 3 years old. The value of the child and need of breastfeeding was deeply rooted both in tradition of Mesopotamia and in myths where the goddess often breastfed the king or other newborns. Information is given about wet nurses' responsibilities, criteria of good milk she had, payment etc. In spite of low social status in most of the cases, the wet nurses had legal rights, and, if they served honestly, were highly respected and could stay with their grown-up nurslings as nurses or "mothers". A special place has the wet nurses in royal or noble families — this position became a certain social elevator that could change their lives.

KEY WORDS: Ancient Mesopotamia; child; breastfeeding; status of a wet nurse.

Древний Ближний Восток во многом повлиял на культуру Средиземноморья, и в том числе на культуру античности, преемницей которой является наша европейская цивилизация. «Культура, которая определяет наше бытие, отличает нас от множества других народов, которые решают проблемы, с которыми человечество встречается, иными путями, чем мы (например, китайцы и японцы)… цивилизация… которую мы с легкостью называем «западной», на самом деле простирается далеко на Ближний Восток», пишет известный исследователь Месопотамии Ж. Боттеро [8].

Месопотамия или Междуречье (др. греч. Μεσοποταμία «страна/земля между рек»), называемая также «Двуречье» — название территории, располагающейся между великими реками Ближнего Востока, Тигром и Евфратом и примерно совпадающее по территории с современным государством Ирак. На ее территории располагались различные государства, претерпевшие свои взлеты и падения. К концу IV тысячелетия до н. э. шумеры, племена неизвестного этнического происхождения, жившие в городах-государствах, освоили болотистую плодородную долину рек Тигра и Евфрата, создали сложную систему ирригации, образовали первые города-государства, в конце IV — начале III тысячелетия создали письменность. Они раньше многих народов стали заниматься земледелием, придумали плуг, колесо, кирпич, сеялку, парусную лодку, ступенчатую пирамиду; будучи превосходными астрономами и геометрами, они составили первый календарь, разделили час на 60 минут, а неделю — на семь дней. Их северные соседи-семиты (аккадцы из Нижнего Двуречья) находились под сильным шумерским влиянием, появление собственно аккадской культуры прослеживается не ранее, чем с середины III тысячелетия [1, 2, 5].

Политические и экономические потребности развития государства, крайняя бедность Месопотамии минеральными ресурсами, деревом, с ранних пор стимулировали развитие внешнеторговой и военной экспансии, а, следовательно, требовали пополнения трудовых ресурсов, как за счет естественного воспроизводства населения, так и за счет жителей покоренных стран, рабов. Аккадец, царь Саргон Древний (2316–2261 гг. до н. э.) объединил месопотамские города-государства Шумера и Аккада в единую страну. Языком науки, религии, литературы на протяжении всего III тысячелетия до н. э. оставался шумерский язык.

История Месопотамии во II тысячелетии до н. э. — это уже история народов, говоривших на семитских языках. Но даже когда жители Месопотамии полностью перешли на аккадский язык, а шумерский стал мертвым языком[1] — в этом его судьбу можно сравнить с латынью в средневековой Европе, существовала поговорка: «Что за писец, если он не знает шумерского языка!». Знание шумерского было обязательной составляющей образования писца, ученого, чиновника и врача [2].

Значительную роль среди народов Месопотамии в то время играли вавилоняне, говорившие по-аккадски потомки шумеров и аккадцев. Наивысшего расцвета Вавилон достиг при царе Хаммурапи (1792–1750 гг. до н. э.), с именем которого связано древнейшее законодательство. Ассирия, появившись в XIV в до н. э., к

[1] Мертвый язык не является родным ни для кого из живущих, однако это не значит, что на нем не происходит продукция как письменной, так и устной речи (ср. средневековую латынь).

концу IX в. становится могущественнейшим государством Передней Азии, распространяя свое влияние на части Малой Азии и Ирана, Восточное Средиземноморье, и какое-то время даже Египет.

Последние страницы истории Месопотамии связаны с сокрушительным поражением Ассирии союзниками, вавилонянами и мидийцами, и дальнейшим завоеванием Вавилонии персами (в 538 г. до н. э.). Разговорным языком Вавилонии в конце I тысячелетия становится арамейский, но клинопись на глиняных табличках остается господствующей, еще в IV в до н. э. продолжается обучение и создание новых текстов на аккадском и шумерском языках. Значительная часть литературных клинописных текстов, как шумерских, так и аккадских, попала к нам из дворцов ассирийских царей, главным образом из знаменитой библиотеки царя Ашшурбанапала (669–ок.636 г. до н. э.), в которую входили царские приказы, хозяйственные записи, ученические тетради, религиозные гимны, художественные произведения, научные трактаты, в том числе по медицине и т. д. Большая часть аккадских памятников (за исключением царских надписей) являются образцами вавилонской, а не ассирийской литературы, написанные на вавилонском языке [1, 10].

Семья на Древнем Ближнем Востоке была структурной единицей общества, здесь хранились устои, совершались основные ритуалы, формировалось мировоззрение ребенка — будущего члена общества. Месопотамская семья была патриархальной и обычно моногамной. Отец был главой семьи и имел власть над женой, детьми и рабами, его слово было законом. Такая (т. е. нуклеарная семья, включающая в себя женатую пару и ее детей) в Древней Месопотамии называлась «дом»; человек должен был «построить дом», это «строительство» подразумевало рождение детей, в первую очередь, сыновей. Таким образом, жизнь человека не считалась полной, если у него не было хорошей жены и нескольких детей.

Хотя, может быть, ребенок, и не занимал центрального места в культуре Месопотамии, но как символ, образ и феномен, пронизывал все слои культуры. В отношении к ребенку со стороны общества прослеживается выраженная амбивалентность — с одной стороны, его могли выбросить сразу после родов, продать, а с другой стороны, его могли усыновить, его права гарантировались законом, образ ребенка был глубоко укоренен в религиозной мысли.

Тем не менее, ценность ребенка и необходимость его вскормления грудным молоком была глубоко укоренена как в традиции, так и мифе — богиня часто кормит и вскармливает своим молоком царя и других младенцев. Было принято кормить ребенка грудным молоком до достижения им 3 лет [16].

Жители Месопотамии очень глубоко понимали значимость грудного вскармливания для ребенка, что отразилось в их поговорке: «дитя у грудей — словно привязанное к ним веревкой, и вкушает их». Выражение «вкушать грудь» (матери или кормилицы) использовалось по отношению к молочным братьям или сестрам, указывая на их близость: так, в одном из писем старовавилонского периода говорится: «Он не чужой мне человек — вместе вкушали мы грудь». Однако существовало менее возвышенное и более широко употребительное выражение — сосать грудь, «enequ» (на аккадском языке, однокоренное с древнееврейским «janaq») [16].

В древних цивилизациях часто среди лиц, ухаживающих за ребенком, наряду с матерью, служанками фигурировала **кормилица.**

Кормилица, т. е. женщина, вскармливающая своим грудным молоком чужого ребенка, как социальное и культурное явление, была **повседневной реальностью** в цивилизациях Древнего мира. Источники для изучения статуса и роли кормилиц разнообразны: изображения, сопровождающиеся надписями, отдельные надписи, юридические документы, в том числе печати, погребальные стелы, росписи. Особое место занимают религиозные изображения, в которых архетип кормилицы использовался для передачи определенных форм «первичного символизма» (по Фёгелину — Voegelin) [18], тесно связанного с религиозным опытом, пронизывающего всю жизнь древнего человека.

Сведения, дошедшие до нас о кормилицах из Месопотамии (и говоря шире — из мира клинописной культуры) представлены в основном, юридическими документами, это договоры с кормилицами, печати.

Основной причиной приглашения кормилиц к младенцам были, вероятно, следующие — отсутствие молока у матери или смерть матери в родах, слабость матери после родов. Кормление грудью считалось также контрацептивом, и человек, желавший иметь много наследников при высокой детской смертности, мог нанять кормилицу, чтобы избавить жену от лактации и сделать ее снова фертильной. Кроме того, она могла быть приглашена для вскармливания приемного ребенка.

В дошедшем до нас законе вавилонского царя Хаммурапи [6], [12] прописана формализация взаимосвязей между кормилицей и работодателем. Договор с кормилицей могли заключить отец, мать, дядя, дед и в принципе, любой член семьи. В нем оговаривался срок, на который приглашалась кормилица, или период, на который кормилице (в ее дом) отдавался ребенок, оговаривались ее обязанности. Также в договоре обуславливалась плата за работу кормилицы, которая могла сочетать деньги, продукты и другие предметы. Договор обычно заключался на срок от полугода до 3 лет, Кормилица обладала правами и пользовалась уважением.

Кормилица обычно была женщиной из низших классов общества, как правило, у нее было «простое» имя, говорящее о ее низком статусе. Если кормилица была замужней, то контракт заключался самой женщиной и ее мужем, который выступал в своеобразной роли «приемного отца», а если она была рабыней — с её владельцем.

В одном из документов того периода (завещании наследства) упомянуты две супружеские пары (их имена соответственно Nahmija и Ištar-bulliti; Habil-abum и Ali-waqartum), при этом указывается — «они отданы для воспитания малых сих (детей)». Видимо, эти люди по статусу были близки к рабам, которым поручалось заботиться и воспитывать детей [16].

В другом старовавилонском контракте о вскармливании написано: «Šubula и Waqartum[2] отдали ребенка по имени Ili-idnanni мужчине по имени Warad-ilišu и женщине по имени Bautukulti, для вскармливания. Warad-ilišu и Bautukulti получили столько-то шекелей серебра, плату за вскармливание Ili-idnanni». В другом месте упоминается некая «Ahat-ahhi, жена Ili-imnianni, которая вскармливает девочку».

Интересно имя одной кормилицы из эламского города Сузы — Tūsi-damqat («вышла она и была хороша») — неясно, ее ли это собственное имя или рекомендация как кормилицы, так как клинопись не имеет строчных и прописных букв. О другой кормилице из города Исин указывается, что она «вошла (в дом родителей ребенка) на одиннадцатый день третьего месяца».

Тексты, относящиеся к более позднему периоду, чем 1600 г. до н. э. дают нам мало информации о кормилицах. Сохранилась очень интересная уникальная запись, касающаяся кормилицы и относящаяся к гораздо более позднему времени, а именно, к Ново-Вавилонскому периоду (ок. 551 г. до н. э.). «Urki-šarrat, дочь Nabu-nakubu-alsi, кормилица, будет вскармливать дочь (человека по имени) Ardija до отлучения от груди (parāsu). Ardija будет давать Urki-šarrat треть шекеля серебра в месяц. Urki-šarrat не покинет дочь Ardija. До конца шестого месяца шестого года она не уйдет. От первого дня седьмого месяца пятого года, Urki-šarrat будет кормить дочь Ardija. Дата: Вавилон, двадцать восьмой день шестого месяца пятого года Набонида царя Вавилонского. В присутствии Equbuta, жены Nabu — матери Urki-šarrat. [В первый день] первого месяца получили от Ardija два шекеля серебра». Итак, молодая женщина невысокого социального статуса была нанята в качестве кормилицы на год, последний год перед отлучением ребенка от груди. Ее отец получает плату за год, требуется так же согласие матери будущей кормилицы (знаком согласия является ее присутствие, отмеченное в документе). M. Stol предполагает, что кормилица может быть рано овдовевшей молодой женщиной [16].

Однако ремесло кормилицы могло представлять определенный социальный лифт, если ее нанимали знатные люди. Особую группу составляли кормилицы царской семьи.

В текстах старовавилонского периода (ок. 1750–1595 г. до н. э.) [3] много свидетельств того, что существовала профессия кормилицы, которых называли «mušeniqtu», которые получали плату обычно в течение 3 лет, что соответствует практике грудного вскармливания на Древнем Востоке. Деньги, которые они получали, называли «платой за грудного ребенка» («teniqu») или «платой за воспитание» («tarbitu»). Эта плата производилась натуральными продуктами, такими как ячмень, шерсть, растительное масло, реже выплачивались серебряные монеты (шекели). Невозможно установить из документов, когда (в начале или в конце вскармливания, после отлучения от груди) и как (одномоментно или частями) выплачивалось это вознаграждение кормилице. В древ-

[2] Очевидно, отец и мать ребенка.

[3] Это принятая в России средняя хронология. Для установления абсолютных дат важнейшее значение имеют данные о гелиакальном восходе Венеры, приведённые в одной из табличек, датируемой 8-м годом правления вавилонского царя Аммицадуки. Имеется несколько вариантов вычисления точной даты этого события, на основании которых строится несколько вариантов хронологии. Зарубежная хронология (по книге R Harris. Gender and Ageing in Mesopotamia) — 1894–1595 гг до н. э. 1595 г. до н. э. — захват Вавилона войсками Хеттского царства.

них законах из Эшнунны оговаривается плата кормилице[4]: «§ 32. Если человек отдаст своего сына на вскармливание и на воспитание, но не даст ячменя, масла и шерсти за три года, ему следует заплатить десять шекелей серебром за воспитание своего сына, и тогда он заберет сына своего» [13]. Интересен документ, в котором расходы по вскармливанию внука и оплаты кормилицы несет его дед, а позже родители ребенка возмещают ему расходы — 12 гур[5] (единица измерения в древней Месопотамии) [16].

В юридических документах отражены не только факты оплаты кормилицам, но и конфликтные ситуации, возникающие на этой почве. Часто встречаются жалобы кормилиц, которым не заплатили, например, такая: «Sabitum, жена Warad-Kubi, выкормила мальчика в течение двух лет; 2 года жил он с нею. Sabitum сказала Pirhi-ilišu, тому, кто её обеспечивал, следующее: «Я не получила порции ячменя, шерсти и масла. Мальчика, что я кормлю, я заберу (себе)», — сказала она ему. Люди города сели и рассмотрели их случай и присудили выдать ей ячменя… шерсти, 48 литров масла, 5 шекелей серебра за мальчика, что жил с ней; и она довольна».

Достойно особого внимания, что кормилица в подобной ситуации могла угрожать родителям, что она заберет себе («забрать» — «tabālu») ребёнка.

В следующем юридическом документе перед нами предстает сложная социально-психологическая история: «Имя её Suhuntum, жена Ilum-kenum; она отдала сына своего жрице-кадишту («qadištu») по имени Iltani, для вскармливания, но она не смогла дать плату за вскармливание за 3 года, порции ячменя, масла и шерсти, и Suhuntum сказала ей, женщине по имени Infani, жрице-кадишту: «Забери мальчика; пусть он будет твоим сыном», и, потому что она так говорила, Infani добавит для Suhuntum 3 шекеля серебра, сверх платы за вскармливание, которую она не получила. Suhuntum клялась больше не приносить жалоб на Infani в будущем». В данном случае ребенок явился разменной монетой для матери, которая продала его жрице-кадишту, получив плату вместо того, чтобы заплатить самой. Ассириолог Martin Stol замечает: «Выражение, как будто полное отчаяния («Забери мальчика») сопровождается выгодной и рациональной сделкой. Ребенок куплен за цену вскармливания плюс 3 шекеля серебра» [16]. С другой стороны, как указывает B. L. Eichler, между кормилицей и ребенком формировались отношения особой привязанности[6], что давало ей определенные права на ребенка, которые можно было расторгнуть только путем оплаты за вскармливание, которую ей давали биологические родители ребенка [13]. Поясним, что так называемые кадишту — жрицы при храмах, были особым феноменом древнемесопотамского общества, они играли не совсем ясную для исследователей роль, но, как запечатлено в клинописных источниках, и что важно для нас, среди своих многочисленных функций имели отношение к вскармливанию и воспитанию детей. В одном из писем, относящемуся по времени к Староваविलонскому периоду, написано: «Пусть они позаботятся о мальчике-младенце прямо сейчас. Если ты хочешь, давай я найду кадишту, занятую вскармливанием, чтобы она вскормила его» [16].

Статус кадишту не был социально высоким: из Среднеассирийского законодательства (1400–950 г. до н. э.) известно, что кадишту могла выходить замуж, при этом она имела право носить покрывало на улице (незамужняя кадишту не имела такого права), в браке она становилась всегда второй женой.

Интересен отрывок из учебника для подготовки писцов о найденыше, воспитанным кадишту, который стал писцом (она воспитала его, как свободного человека): «Некий человек развелся со своей женой, «потом он взял с улицы кадишту, из-за любви к ней он женился на ней, несмотря на то, что она была кадишту. Та кадишту взяла сына улицы, молоко груди своей она (дала…), не знал он ни отца своего, ни матери своей. Она заботилась о нем, не хлестала его по щекам, выкормила его, заставила его выучить искусство писца. Когда он вырос, она нашла ему жену. Если сын скажет своей матери: «ты не мать моя», то они отстригут (обреют) ему голову наполовину и обведут его по городу; более того, они изгонят его из дома» [16].

Особым аспектом вскармливания в Месопотамии являлись случаи найма кормилицы к приемному ребенку супружеской пары. Это

[4] Законы из Эшнунны (или законы Билаламы, по имени царя, во время правления которого, вероятно, они были приняты) — один из древнейших законодательных памятников Древнего Востока, датируемый XIX веком до н. э. Таблички были найдены при раскопках 1945–1947 годов в Ираке.

[5] 1 гур (кор) = около 300 литров (252,5 л)

[6] Образ богини-матери и ребенка был, очевидно, сложной метафорой, соотносимой с кормилицей — она делала божественное дело, и была в некоторой степени иерофанией богини-матери (например, Нинхурсаг), поэтому обижать ее граничило с кощунством.

практиковалось как бесплодными парами, так и жрицами-девственницами «надиту» («naditu»), которые не могли по религиозным соображениям вступать в половые отношения, беременеть и рожать детей (хотя они могли вступать в брак как формальное и юридическое состояние, при этом фактически супружеские обязанности исполняла другая женщина, сестра жрицы или рабыня). Незамужние жрицы-naditu могли усыновить ребенка (девочку) и заплатить за его вскармливание кормилице. Оговаривалась ситуация конфликта: если кормилица после вскармливания говорила, что она недовольна первоначальной ценой, то ей грозил штраф в 20 шекелей серебра.

Сохранился текст, повествующий о том, что одна семейная пара усыновила ребенка. Сын хранил его всю жизнь, дорожа им, как доказательством своего статуса свободного гражданина и наследника. «Gimil-ili — сын Šamaš-muštešer и Kinunitum. Они отдали за него цену вскармливания (семейной паре) Iballut и Erištum, которые взяли деньги за вскармливание, и они довольны.[7] Если даже Šamaš-muštešer, отец его, и Kinunitum, мать его, родят 10 сыновей, только Gimil-ili будет их старшим наследником. Если Gimil-ili скажет Šamaš-muštešer, отцу своему, и Kinunitum, матери своей: «Ты не мой отец, ты не моя мать», — то они обреют его и продадут его. Если Šamaš-muštešer, отец его, и Kinunitum, мать его, скажут Gimil-ili, сыну своему: «Ты не мой сын», то у них отберут дом и имущество».[8]

Библейская история спасения и усыновления Моисея, являясь по своему контексту месопотамской, а не египетской, отражает реалии семитского мира Вавилонии [17]. Важно отметить следующий нарративный момент: биологическая мать Моисея, после того как ребенок получил статус сына «дочери фараона», становится официально нанятой кормилицей.

Ситуациям, которые могли возникнуть в процессе вскармливания, также посвящены многие юридические тексты Месопотамии. Большое значение придавалось состоянию груди и качеству молока кормилицы. Сохранилось письмо по поводу грудного мальчика: «Если ты заметишь, что ее грудь (кормилицы) нехороша, отдай мальчика другой кормилице» [16]. В 40 главе «Диагностической книги» указано: «Если плоть ребенка истаевает («šahahu») когда его вскармливают грудью («teniqu») и грудь кормилицы тощая, и он не ест, когда грудь поднесена к нему: то та грудь имеет горечь («murre»), тебе следует поместить его к новой груди, и он поправится» [15]. Менять кормилицу (или отдавать ребенка от груди матери к груди кормилицы) рекомендуется и для лечения других детских болезней: «Если ребенок схвачен болезнями «ašu» и «samanu», тебе следует переместить его к «новой» груди; более того, тебе следует прочесть над ним заклинание, и он выздоровеет». От кормилицы требовалось соответствующее поведение — половые сношения ей были запрещены. Шумеро-аккадский текст «премудрости» гласит: «Кормилица, которая вступает в половые сношения, теряет свою возможность вскармливать» (шумерская пословица): «Половые сношения вызывают то, что способность кормить грудью исчезает» (аккадская пословица). Это пересекается с воззрениями греков и римлян [7].

Существовал древний месопотамский текст, в котором перечислялись кормилицы, опасные для детей: «О кормилица! Кормилица, чья грудь (слишком) сладка («tābu»), чья грудь (слишком) горька («marru»), чья грудь «ушиблена» («mahsu»), кто умерла от «удара» груди ее» [14].

Большая роль отводилась влиянию магических приемов, которые могут «испортить» кормилицу и ее молоко: один текст, а именно, шумерское заклинание, говорит о «злом языке» (очевидно, о человеке, произносящем магические слова), который портит молоко кормилицы. Своеобразная формула проклятья в царской надписи на арамейском языке предупреждает врага: «сто женщин питают дитя («ʻulajm»), но оно не сыто (не довольно)»; в другом проклятии указывается, что женщина-кормилица «помазывает маслом груди свои» с магическими целями [16].

Кормилица не должна была кормить дополнительных детей без ведома родителей, считалось, что в этом случае первый ребенок не получает достаточно молока и существует риск для его здоровья и жизни. Это оговорено в «Законах Хаммурапи»:

«§ 194. Если человек своего сына кормилице отдал, и этот сын умер на руках у кормилицы, а кормилица без ведома его отца и его матери приложила к груди другого ребенка, ее должны изобличить и за то, что без ведома его отца и матери она приложила к груди другого ребенка, грудь у нее должны отрезать» [6].

[7] Вавилонская правовая формулировка.

[8] Формулировка «если скажет отцу и матери — ты не отец, ты не мать» и наоборот — являются типичными выражениями в таких договорах усыновления.

Ранее предполагалось, что имеется в виду, что кормилица несет кару за смерть ребенка, которого вскармливает, или обвиняется в подмене ребенка. Однако доказано, что речь идет именно о нелегальном вскармливании второго ребенка в корыстных целях.[9] Греческие египетские папирусы также запрещали кормилицам такую практику «кормления на стороне» («parathelazo») [3], [4].

Кормилица не всегда была доброй защитницей и хранительницей ребенка — в документах Междуречья зафиксированы случаи, когда она становилось сообщницей кражи или подмены ребенка, и несла за это наказание, например, денежный штраф.

Весьма показателен случай, произошедший в городе Ларса и зафиксированный как юридический документ на глиняной табличке. Пастух коров, по имени Дада, взял от кормилицы, по имени Kullupat девочку, отданную отцом девочки на вскармливание кормилице. Это было совершено «у врат» (юридическое место) города Ларса, то есть Dada оформил права на ребенка так, как оформляется усыновление (втайне от родного отца девочки). Пастух Dada умер, и настоящий отец нашел ребенка в его доме, после чего обратился к суду города Ларса. Вдова пастуха требовала девочку назад со словами: «Она не твоя дочь, она дочь рабыни мужа моего!» Отец отвечал: «Она дочь моя, она не рабыня. Я отдал ее Kullupat, рабыне из семьи (дома) вашего, для того, чтобы она вскормила ее». Он приносит клятву, и суд выносит справедливое решение: вдова и ее сын не должны судиться с отцом девочки. Украденная и переведенная из статуса свободной в статус рабыни маленькая девочка была восстановлена в статусе и возвращена родному отцу [16].

Кормилица могла участвовать в судебном процессе, как свидетель, опознав истинного родителя ребенка, об этом свидетельствует следующий текст судебного решения: «Что до младенца-мальчика, сына Taribum, которого вскормила Ittamir, и Taribatum сказал — он сын моей рабыни…». По суду, отец и его сын-младенец должны предстать «пред вратами судей» в течение 10 дней, а кормилица взята под стражу воинами, чтобы опознать отца ребенка: «она покажет лицо того, кто имеет право на мальчика» [16].

Существует документ, в котором кормилица совершает преступление, не связанное напрямую с ее профессиональной деятельностью. Во время набега эламитов она продала свободную гражданку (взрослую женщину). В дальнейшем власти родного города устанавливают личность и статус женщины, и хозяин должен ее отпустить.

Особое место занимали кормилицы, принятые в царские и знатные семьи. Хотя это были женщины низкого происхождения, для них статус кормилицы в царском или богатом доме становился определенным социальным лифтом, который, несомненно, мог иметь влияние и на судьбы их близких родственников, в частности, детей. Так, жрица Мардука (Старо-Вавилонское царство), относящаяся к высокому социальному классу, пишет, ходатайствуя о своем молочном брате — «этот человек не чужой мне; вместе мы вкушали грудь». Подобное имеется и в письме, относящемся по датировке к Ново-Вавилонскому царству: «Он сын кормилицы моей, я и он, питались мы от одной груди» [16].

Среди женщин, заботившихся о царских детях во дворце Эблы, были и кормилицы. Из придворной административной переписки мы знаем их имена; чаще всего упоминается Gišadu (Гишаду), кормилица царя Iš'ar-Damu. Кормилица («ga.du[8]») [10]была важной персоной при дворце [8]. Ей, как и другим кормилицам, делались ценные подарки. Периодически Gišadu получала в подарок дорогую одежду. После того, как ее молочный сын стал царем, она была внесена в списки знатных женщин двора (придворных дам), в которых находилась, вероятно, до ее смерти. Упомянуты и сыновья кормилицы — возможно, они жили со своей матерью при дворе.

При дворе города Эбла (как и во вторичных резиденциях царя) была постоянная группа кормилиц для сыновей царицы, для вторых жен и для других женщин высокого социального статуса. Всего было 8 кормилиц для 3 дочерей и 5 сыновей царя, живших во дворце города Эбла и 2 кормилицы, жившие во дворце города Азан. Учитывая, что кормление грудью занимало около 3 лет, можно сделать вывод, что последний царь города Эбла имел (за 4 или 5 лет) 10 сыновей от младших жен и одного сына от царицы. В последний период Эблы во дворце жили 11 кормилиц и получали паек. Кормилицы также могли получать шерсть или украшения определенного типа. Когда царица родила первенца, то кормилица царицы получила особо ценную одежду.

[9] M. Stol указывает, что этот взгляд, к сожалению, малоизвестен (p.184)

[10] Цифра 8 в верхнем регистре относится к особенностям транскрипции шумерских слогов.

В списках женщин во дворце все женщины идут по рангу, начиная с царицы-матери, потом царицы, родственников царя (теток и др.), далее перечисляются служащие при дворе женщины, в том числе кормилицы. Таким образом, кормилицы, несмотря на то, что происходили из низших слоев общества, официально входили в царскую семью (слуги тоже были членами семьи в древнем обществе) [8].

Во дворце в городе Эбла[11] кормилицы назывались «gadu^{8}» (это не эблаитский диалект, а шумерское слово) — буквально — «та, что дает молоко своей груди». В списках они делятся на две группы — 1) кормилицы, которые питают в данный момент грудного младенца — «gadu dumumu»/«gadu dumuniti»; 2) кормилицы, которые кормили грудью в прошлом, и остались со своими воспитанниками; 3) также выделяются кормилицы, которые приставлены к молодой матери, недавно родившей ребенка, и называются формально кормилицей такой-то (имя женщины, а не ребенка).

Хотя известно много имен кормилиц дворца в Эбле (Abadu, Išlu-Nitu, Dabdur), но кормилица Gišadu выделена особо. Только ее имя сопровождает имя царского ребенка, которого она выкормила. Хотя другие кормилицы и кормили царских детей, но документы не уточняют, какого именно ребенка кормила конкретная кормилица.

Известно, что Gišadu имела ребенка, родившегося незадолго до рождения наследника-царевича Iš'ar-Damu. Ее ребенок жил с ней во дворце, когда она вскармливала царевича и, очевидно, был его молочным братом. Заметно повышение статуса этой кормилицы после восхождения Iš'ar-Damu на престол — в то время как царица-мать получила статус «мать царя» («amagal en»), кормилица, женщина простого происхождения, тоже приобрела особый статус «кормилица царя» («gadu^{8} en). Она жила во дворце до самой смерти и носила этот почетный титул [8].

Статус кормилиц разнился в зависимости от того, какую из царственных особ они вскармливали. Так, кормилица по имени Agašadu, вскормившая царицу Tabur-Damu, не упоминается в списках придворных женщин, хотя у нее был свой собственный титул — «кормилица царицы». После смерти царицы она получила в подарок богатую одежду.

Наследный царевич имел несколько кормилиц, некоторые из них, например, Aziza, остались при дворе после того, как царевич вырос. Она также получала подарки — например, после смерти одного из членов ее семьи. Упоминается кормилица младшей царской дочери (имя девочки Kesdut), но имя кормилицы не названо.

Из административной переписки нам известно, что у царя Эблы было несколько дворцов в других городах, и в них тоже имелись кормилицы (дворцы Azan, Lub, Arugadu).

Интересно, что в Эбле кормилицы жили при дворе, а в Мари царских детей отвозили жить к кормилицам. Кормилица в Мари[12] называлась «mušeniqtum».

В одном из писем администрации дворца указывается про двух царевичей, что одного надлежит вскармливать во дворце, а другого отправить в дом кормилицы, простой женщины. Осталось много данных о поездках детей младшего возраста в сопровождении кормилиц, а не своих матерей. Интересно следующее письмо, вероятно, кого-то из администрации дворца: «И подумал я сам в себе: не должно заставлять путешествовать в повозке слабых малых детей, без того, чтобы их кормилицы могли ехать с ними — как они будут вести себя, не поднимут ли они громкий плач? [13] и посему повозка — велика, пять быков тянули ее». Судя по антуражу, описывается поездка царских детей с кормилицами. Есть сведения о пайках пива и ячменя, которые выдавались отдельно на кормилиц и царских детей, воспитываемых кормилицами.

После отлучения от груди ребенка возвращали ко двору, но его бывшая кормилица его постоянно сопровождала. Она теперь называлась «нянька» («taritum») или «мать» («ummum») и была, по-видимому, в тесной психологической связи с ребенком.

В гареме царя Зимри-Лима (Zimri-Lim) кормилицы, воспитывавшие детей царя, носили очень своеобразные имена, все имеющие частицу «abi» — «мой отец»: Abi-liter (да преумножится отец мой), Abi-bašti (отец мой — гор-

[11] Расположен в Сирии к юго-западу от современного Алеппо, одна из старейших цивилизаций Сирии. Город имел тесные культурно-торговые связи с шумерским миром, Египтом и Эламом. Эблаиты пользовались шумеро-аккадской клинописью. В 1975 году был обнаружен гигантский царский архив Эблы, который позволил изучить глубже быт и повседневную жизнь царского дворца.

[12] Мари — самый западный из городов Шумера, был расположен на берегу Евфрата в северной Сирии.

[13] Плач — плохое предзнаменование, может вызвать гнев богов, вероятно, поэтому администратор указывает свои действия по предотвращению плача царских детей.

дость моя), Abi-nuri (отец мой — свет мой), Abi-lu-dari (да живет долго мой отец). Эти имена носили ономастическую функцию — они были хорошим знамением (очень важным для менталитета и религиозности жителей Месопотамии, придававшего большое значение знамениям), повторение этих имен детьми так же было хорошим знамением (как молитва за отца — вспомнить слова дочери «я соделала себя знаменем молитвы за отца моего») а также приучали детей с ранних лет к придворному этикету. Эти кормилицы занимались не только вскармливанием, но и воспитанием и ранним образованием ребенка [19].

Царевен-невест, приезжающих в Мари, сопровождала нянька-«мать» (например, царевну Beltum из Qatna).

Сохранился текст, свидетельствующий, что среди служанок юной царевны Šibtu, сопровождавших ее при приезде в Мари для заключения брака, была и ее бывшая кормилица, и дочь кормилицы, что, несомненно, было социальным лифтом для этих женщин.

Обычно в «матери» брали кормилиц, вскормивших ребенка, но если это было уже невозможно (смерть кормилицы), то могли выбрать другую «мать». Так, некая Bahri-bašti была выбрана, чтобы сопровождать царевну Naramtum, уезжающую ко двору царя Šarraya.

Нам известны и имена других царских кормилиц мира Месопотамии. Печать III тыс. до н. э., из хурритского города Уркиш (Urkiš) имеет надпись: «Диммузи, служанка; Дагуна, кормилица, дочь (человека по имени) Тиша». Титул «кормилица» буквально означает «мать, кормящая молоком» («ama.ga.ku»).

Интересна личная печать кормилицы по имени Замена (Zamena). На ней кормилица изображена стоящей перед восседающей на особом стуле царицей Укнитум и играющей с ребенком, который сидит на коленях царицы. Другая служанка в это время расчесывает волосы Укнитум. Над группой изображена звезда, а позади — возлежащий бык с человеческой головой [11] (знаки присутствия божества). По мнению Budin, это сцена отражает близкие и доверительные отношения кормилицы Замены к царице Укнитум, которые в глазах Замены и окружающих были чрезвычайно высокими почестями, дарованными царской семьей. Несомненно, было и согласие самой царицы на подобные изображения как себя, так и своих подданных, пишет исследовательница S. L. Budin [11]. Титул Замены здесь скорее «нянька» («eme.da»), чем кормилица. Имеется сходство слов, обозначающих няньку и кормилицу: кормилица — «um.me.ga.la», нянька — «um.me.da» («emeda»). В других текстах упоминается «кормилица царевны», иногда — царя. Так, некая Rabbatum сначала была кормилицей царевны Me-Sataran, через год — она стала ее нянькой [16].

Со времени Третьей династии Ура сохранился документ, относящийся к 4-му году правления царя Амар-Сина. В нем приводится список царевен, многие из них, несомненно, дочери предыдущего царя Шульги. Потом идут имена двух «нянек царя» («eme.da lugal.me»), Kinat-Nunu и Kubatum; они часто встречались в других текстах.

Интересно, что в мире, где преобладал шумерский язык, как язык культуры, кормилицы носили семитские (аккадские) имена, вероятно, простонародные. Царские архивы города Мари (старовавилонское царство) иногда используют слово «мать» («ummu») со специальным значением (нянька, кормилица). Царевна Beltum, только что выйдя замуж за наследника-царевича Мари, привела с собой свою «няньку-мать» из своего родного города Qatna на дальнем западе страны.[14]

Иногда такая «мать» заботилась о царевне с колыбели, но не всегда. Ее могли приставить к царевне, выдаваемой замуж. Сохранился следующий текст, относящийся к административным запискам: « (одна)… из женщин дома Jarim-Lim (a) для того, чтобы быть «матерью» для Нарамтум (Naramtum), дочери царя, которая была выдана за Sarrija, царя Eluhtum». Царевну Naramtum ее отец, Zimri-Lim, царь Мари, выдал замуж за незначительного царька, и к ней была приставлена «мать» — видимо, потому, что царевна была очень юна.

Между кормилицей и выросшим воспитанником (воспитанницей) сохранялись тесные и очень близкие отношения, пример этому есть в одном письме из Мари, где можно прочесть такую жалобу: «Я была обижена, но утри мои слезы. Син-мушаллим обидел меня, забрав няньку мою, и теперь она живет в доме его (…). Теперь, ибо ты дал свет стране, дай свет и мне. Дай мне няньку мою, и я буду молить за тебя богов Тешуба и Хебат. И господин мой не должен удерживать эту женщину».

По-видимому, была тесная связь и между царевной Ахассуну которой жаловалась Jasmah-Addu, что ее «мать» хотят забрать, так как она уже старая. Другая царевна протестует

[14] Трогательная связь кормилицы и взрослой воспитанницы похожа на библейскую историю Ревекки и ее кормилицы (Быт. 24:29).

против того, что ее «мать» удерживают. Подобная жалоба, со слезами, (см. ниже) касается другой няньки, которую называли «taritu».

Теплые воспоминания о кормилицах сохранялись у знатных и состоятельных людей. В Средне-ассирийском тексте мы читаем, что царь не забыл свою няньку. Вместе с женой «начальника дворца» Хикки, нянька царя получила 5 гомеров (мера объема) ячменя «по приказу царя, в дар». Широко была распространена метафора, что царь вскормлен чистым молоком богини Нинхурсаг или другой. Образ богини, которая нянька-кормилица царя, внушал веру в победу над врагами и надежду на божественную помощь. Так, новоассирийское пророчество утешает царя: «Не бойся, ты, чья нянька — госпожа города Арбела (богиня Иштар); подобно няньке я ношу тебя на бедре моем («gilšu»). Или — «Богиня Иштар города Арбела говорит сие: «Я великая повитуха твоя, я великая кормилица твоя» [16].

«Ты был мал, Ассурбанипал, когда я оставил тебе царице Ниневии (богини Иштар), ты был дитя, Ашурбанипал, когда ты сидел на коленях царицы города Ниневии. Четыре сосца ее (zīzu — и соски, и стороны света) были во рту твоём, два ты сосал, два изливал молоком на лицо свое. В следующих текстах также подчеркивается близость царя и божественной кормилицы: «Не бойся, ты, чья мать — богиня Mulissu, не бойся, ты, чья нянька — госпожа города Арбела; подобно няньке я ношу тебя на бедре своем. Кладу тебя между грудей своих, как копье! Ночью я провожу в бдении и храню тебя, весь день я даю тебе молоко свое».

Кормилицы были даже у богов — и им уделено место в мифе, где описано детство божественного младенца-спасителя богов Мардука. «Отец его Эа родил его (banŭ), Дамкина, мать его, родила его (haršassu), сосал он сосцы богинь, нянька следила за ним (Энума элиш, I 83–86)[15] Царь, подобно Мардуку, покровителю Вавилона, сосет сосцы богинь — они становятся его кормилицами, что усиливает близость царя к божественному миру. Это сходно с образом кормилицы-богини в Египте [3, 11].

Таким образом, в иерархической системе общества Древней Месопотамии присутствовала такая группа как кормилицы. Сохранились источники, в том числе документы юридического характера, свидетельствующие о статусе кормилицы, условиях найма, оплаты их труда, обязанностях и последующей судьбе. Некоторые аспекты этой профессии оговаривались в одном из древнейших правовых памятников — «Законах Хаммурапи».

Несомненно, кормилицы занимали одно из ведущих мест, особенно в окружении новорожденного и грудного ребенка.

Социальный статус кормилицы в большинстве случаев был невысок. Обычно кормилица была женщиной из низших классов общества, нанимаемая на разные сроки, чаще от полугода до 3 лет. Но, если у нее было качественное молоко, она тщательно выполняла свои обязанности, о чем свидетельствовало состояние здоровья ребенка, его привязанность к ней, кормилица могла переходить на роль няньки или «матери», оставаясь в этом положении долгое время, иногда до своей смерти. Ремесло кормилицы могло представлять определенный социальный лифт, если ее нанимали знатные люди. Отдельную группу составляли кормилицы царской семьи. Кормилица имела юридические права, могла участвовать в судебном процессе как истец, свидетель или ответчик при совершении преступления.

[15] «В светлом Апсу зарожден был Мардук, Эйя, родитель, там его создал, Дамкина, мать его, породила, грудью богини был он вскормлен, благоговея, мать его питала» (Русский перевод [1], с. 18)

ЛИТЕРАТУРА

1. Афанасьева В.К, Дьяконов И.М., ред. Когда Ану сотворил небо. Литература Древней Месопотамии. М.: Алетейя; 2000.
2. Афанасьева В.К., ред. От начала начал. Антология шумерской поэзии. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение»; 1997.
3. Джарман О. Статус женщины в Древнем Египте. Медицина и организация здравоохранения. 2017; 2 (1): 48–56.
4. Джарман О.А., Микиртичан Г.Л. Статус и отношение к ребенку в Древнем Египте. Российский педиатрический журнал. 2014; № 5: 53–58.
5. Емельянов В.В. Древний Шумер. Очерки культуры. СПб.: «Петербургское востоковедение»: 2001.
6. Кузищин В.И., ред. Законы Хаммурапи. История Древнего Востока. Тексты и документы: учебное пособие. М.: Высшая школа; 2002.
7. Микиртичан Г.Л., Джарман О.А. Соран Эфесский как античный врач и «первый педиатр». CURSOR MUNDI: человек Античности, Средневековья и Возрождения**.** Иваново. Ивановский государственный университет. 2015; Выпуск 7:73–87.
8. Biga M.-G. Les nourrices et les enfants a Ebla. KTEMA, civilizations de l'Orient, de la Grece et Rome antiques. Universite Marc Bloch de Strasbourg, Strasbourg. 1997; № 22:35–44.

9. Bottero J, Herrenschmidt C, Vernant J. P. Ancestor of the West: Writing, Reasoning, and Religion in Mesopotamia, Elam, and Greece. Chicago and London: The University of Chicago Press; 2000.
10. Bottero J. La religion babylonienne. Paris: Presses Universitaires de France; 1952.
11. Budin S. L. Images of Woman and Child from the Bronze Age: Reconsidering Fertility, Maternity, and Gender in the Ancient World. Cambridge: Cambridge University Press; 2014.
12. Cardascia G. La nourrice coupable. § 194 du Code de Hammurabi. Melandes a la memoire de Marcel-Henri Prevost. Revue de l'association Mediterrannees. 1982; № 3:67–84.
13. Eichler B. L. Literary Structure in the Laws of Eshnunna. Language, Literature, and History: Philological and Historical Studies Presented to Erica Reiner, ed. Francesca Rochberg, New Haven: American Oriental Society; 1987.
14. Foster B. R. Before the Muses: An Anthology of Akkadian Literature. Bethesda: CDL Press; 1996.
15. Labat R. Traité akkadien de diagnostics et pronostics médicaux. Leiden: Brill; 1951.
16. Stol M. Birth in Babylonia and the Bible: Its Mediterranean Setting. Groningen: Styx; 2000.
17. Tuor-Kurth Ch. Kindesaussetzung und Moral in der Antike: jüdische und christliche Kritik am Nichtaufziehen und Töten neugeborener Kinder. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht; 2011.
18. Voegelin E. The Ecumenic Age. Columbia: University of Missouri Press; 2006.
19. Ziegler N. Les enfants de palais de Mari. KTEMA, civilizations de l'Orient, de la Grece et Rome antiques. Universite Marc Bloch de Strasbourg, Strasbourg. 1997; № 22:45–57.

REFERENCES

1. Afanas'eva V.K, D'jakonov I. M., red. Kogda Anu sotvoril nebo. Literatura Drevnej Mesopotamii. [When Abu created the Sky. Literature of Ancient Mesopotamia] M.: Aletejja; 2000. (in Russian).
2. Afanas'eva V. K., red. [From the very beginning. Anthology of Sumer poetry] Ot nachala nachal. Antologija shumerskoj pojezii. SPb.: Centr «Peterburgskoe Vostokovedenie»; 1997. (in Russian).
3. Jarman O. Status zhenshhiny v Drevnem Egipte. [Status of a woman in Ancient Egypt] Medicina i organizacija zdravoohranenija. 2017; 2 (1): 48–56. (in Russian).
4. Jarman O. A., Mikirtichan G. L. Status i otnoshenie k rebenku v Drevnem Egipte. [Status and treating the child in Ancient Egypt] Rossijskij pediatricheskij zhurnal. 2014; № 5: 53–58. (in Russian).
5. Emel'janov V. V. Drevnij Shumer. Ocherki kul'tury. [Ancient Sumer. Sketches on culture]SPb.: «Peterburgskoe vostokovedenie»: 2001. (in Russian).
6. Kuzishhin V. I., red. Zakony Hammurapi. Istorija Drevnego Vostoka. [The Code of Hammurabi. The History of Ancient Near East] Teksty i dokumenty: uchebnoe posobie. M.: Vysshaja shkola; 2002. (in Russian).
7. Mikirtichan G. L., Jarman O. A. Soran Jefesskij kak antichnyj vrach i «pervyj pediatr». [Soranus of Ephesus as an ancient physician and the 'first pediatrician'] CURSOR MUNDI: chelovek Antichnosti, Srednevekov'ja i Vozrozhdenija. Ivanovo. Ivanovskij gosudarstvennyj universitet. 2015; Vypusk 7:73–87. (in Russian).
8. Biga M.-G. Les nourrices et les enfants a Ebla. KTEMA, civilizations de l'Orient, de la Grece et Rome antiques. Universite Marc Bloch de Strasbourg, Strasbourg. 1997; № 22: 35–44.
9. Bottero J, Herrenschmidt C, Vernant J. P. Ancestor of the West: Writing, Reasoning, and Religion in Mesopotamia, Elam, and Greece. Chicago and London: The University of Chicago Press; 2000.
10. Bottero J. La religion babylonienne. Paris: Presses Universitaires de France; 1952.
11. Budin S. L. Images of Woman and Child from the Bronze Age: Reconsidering Fertility, Maternity, and Gender in the Ancient World. Cambridge: Cambridge University Press; 2014.
12. Cardascia G. La nourrice coupable. § 194 du Code de Hammurabi. Melandes a la memoire de Marcel-Henri Prevost. Revue de l'association Mediterrannees. 1982; № 3: 67–84.
13. Eichler B. L. Literary Structure in the Laws of Eshnunna. Language, Literature, and History: Philological and Historical Studies Presented to Erica Reiner, ed. Francesca Rochberg, New Haven: American Oriental Society; 1987.
14. Foster B. R. Before the Muses: An Anthology of Akkadian Literature. Bethesda: CDL Press; 1996.
15. Labat R. Traité akkadien de diagnostics et pronostics médicaux. Leiden: Brill; 1951
16. Stol M. Birth in Babylonia and the Bible: Its Mediterranean Setting. Groningen: Styx; 2000.
17. Tuor-Kurth Ch. Kindesaussetzung und Moral in der Antike: jüdische und christliche Kritik am Nichtaufziehen und Töten neugeborener Kinder. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht; 2011.
18. Voegelin E. The Ecumenic Age. Columbia: University of Missouri Press; 2006
19. Ziegler N. Les enfants de palais de Mari. KTEMA, civilizations de l'Orient, de la Grece et Rome antiques. Universite Marc Bloch de Strasbourg, Strasbourg. 1997; № 22: 45–57.